

Дверь со скрипом захлопнулась. Приклеенные к ней изображения богов-заступников — свирепых, круточелюстных, с густыми бородами — выглядели внушительно, вот только бумажные края выцвели, загнулись и упрямо трепетали на ветру.

Чи Е равнодушно отвёл взгляд. В следующее мгновение его большой палец бесцеремонно вклинился в рот Тун Хуайцина, разжимая сцепленные зубы, а пальцы другой руки невозмутимо подхватили аккуратный подбородок.

— Не смей кусаться, — понизив голос, буркнул он. — Когда Ноно в детстве капризничала и так же цапала Яньяня, я разрешал ему цапнуть её в ответ.

Шершавая подушечка пальца давила на подбородок так, что кожу саднило. Тун Хуайцину пришлось задрать голову. Он тщетно пытался обхватить запястье Чи Е пальцами; слюна, которую он не успевал сглатывать, стекала на чужую ладонь.

— Я тебя и пальцем не тронул, — продолжал Чи Е. — С чего ты взвился?

Чи Е был высоким, ладно скроенным парнем с тем диковатым, угрюмым лицом, которое у незнакомцев обычно вызывало робкое опасение. Те же, кто знал его близко, привыкли к его своенравному характеру и попусту не лезли на рожон, не пытаясь бросаться на него с оскалом.

Зато Тун Хуайцин свирепствовал напропалую. Зажатый рот его ничуть не смутил: он продолжал отчаянно сжимать челюсти, молотить кулаками по чужой груди, царапать предплечья и судорожно брыкаться, целясь ногами куда придётся. Вкладывал в каждый удар всю свою невеликую силу, совершенно не думая о последствиях — в голове лишь гудело пламя ярости.

Так продолжалось, пока Чи Е не зажал ему рот и не скрутил конечности. Хмурый как туча, он плечом выбил дверь и сволок Тун Хуайцина в дом.

Чэнь Сяньян и Чи Ино, примостившиеся под навесом над тетрадами, едва успели вскинуть головы на шум, как раздался оглушительный гвалт: дверь в гостиную с треском захлопнулась прямо перед их носами.

Чи Е впечатал Тун Хуайцина в диван и прорычал ему в самое ухо:

— Разжался! Слышишь?!

Тун Хуайцин лишь сверкал налившимся яростью взглядом и не поддавался ни на йоту.

Действовал Чи Е грубо. Вытащить ладонь он больше не пытался — вместо этого продвинул пальцы глубже, бестарханно давя на корень тёплого языка, пока тот не поперхнулся. Второй рукой он перехватил тонкие запястья Тун Хуайцина, махом закинул их за голову и намертво

прижал к подушке.

Тун Хуайцин отчаянно брыкался и заходился в сухих позывах на тошноту. Чёлка рассыпалась по дивану. Он изо всех сил пытался вырвать локти, но куда там — пальцы Чи Е держали хваткой железных клещей. Колено сверху прижало ноги: без лишней жестокости, но вполне достаточно, чтобы лишить любой возможности шевельнуться.

— Кусаться нельзя.

Палец погрузился ещё немного глубже.

— И не смей без причины выходить из себя.

Ладонь грубо растягивала невольно раскрытый рот.

Тун Хуайцин не мог даже застонать.

«Отпусти...»

Из горла не вырывалось ни звука. И дело было вовсе не в перехваченном дыхании — просто боль в запястьях стала настолько дикой, что суставы начинали неметь.

«Он же искалечит мне руки...»

Ему мерещилось, будто суставные косточки с сухим хрустом выламываются под этим бешеным нажимом.

Хрусть.

Оцепенение длилось лишь миг, мгновенно сменившись диким, безумным ликованием. Если руки будут калеками, значит, больше никогда не придётся касаться чёрно-белых клавиш?

Тогда к чертям Шопена, к чертям Моцарта и Чайковского вместе с ними!

Захлопнутая дверь слегка приоткрылась, и на лицо Тун Хуайцина легла узкая полоска золотистого закатного света. Чи Е, по сути, и не бил его — только держал в замке, но у того на лбу уже выступили капельки пота, а глаза блестели ярко, словно отражая пылающие за окном облака.

Чи Е внезапно разжал пальцы.

— Ещё раз взбесишься, — выронил он, поднимаясь и шагая к выходу, — останешься вечером без парового омлета.

Тун Хуайцин продолжал тяжело дышать. Медленно выпрямился, опустил взгляд: на запястьях багровели чёткие отпечатки чужих пальцев.

Слегка пошевелил кистями. Увы, пальцы слушались всё так же безупречно.

Двор у семейства Чи был просторным. В маленьком уезде земля ценилась недорого, так что почти в каждом усадебном дворе высаживали цветы да огородную зелень.

Западную сторону подпирала кирпичная стена соседского дома, густо увитая двумя кустами жимолости. Затяжное её цветение длилось чуть ли не полгода, и сейчас как раз шла третья волна: серебристо-белые и нежно-жёлтые изогнутые лепестки тянулись к солнцу, пышно разрастаясь при малейшем тепле.

А снизу тянулись узкие грядки, где по сезону высаживали овощи: зелёный перец соседствовал с томатами, а на плети лагенарии усаживались белокрылые мотыльки. Благодаря этой делянке на рынок ходить почти не приходилось. Дети были неприхотливы, да и Чи Е готовил неплохо — что ни подай, уплетали за обе щёки.

Тун Хуайцин сидел в тени стены, от нечего делать вертя в руках стебелёк мышья.

Солнце клонилось к закату, осенний ветерок приносил прохладу. Чэнь Сяньян и Чи Ино всё так же сидели под навесом над уроками, а из кухни, где зажёгся свет, доносился ритмичный стук ножа по разделочной доске.

Дворик тут был широким, а вот сама гостиная — тесной. В спальне стоял лишь крошечный столик для портфелей, поэтому делать уроки дети усаживались снаружи: ловили последние алые лучи заходящего солнца и старательно выводили огрызками карандашей иероглифы в тетрадах.

Затемнело. Из кухни донёсся голос Чи Е:

— Накрывать пора!

Ребята как раз закончили, защёлкнули колпачки ручек и гурьбой бросились в дом. В семье Чи любили ужинать прямо во дворе, вытащив небольшой квадратный стол. Дверь оставляли настежь: прохладный сквозняк из переулка приятно освежал, клоня к земле нежную овощную рассаду, и позволял сэкономить на вентиляторе.

Лампочка под навесом отбрасывала тёплый жёлтый свет. От патрона тянулся длинный шнур: дёрнешь раз — загорится, дёрнешь ещё — свет сменится на яркий белый.

Чи Ино, неся тарелку с жареной фасолью, подбежала с алеющими щеками:

— Брат Тунтун, иди кушать!

Недавней стычке она значения не придавала — должно быть, потому, что Чи Е нарочно не стал повышать голос. Для обитателей этого дома совместная трапеза была делом почти святым.

Тун Хуайцин поднялся и подошёл к крану вымыть руки. Дети с громким смехом носились вокруг. На шее у каждого болтался нефритовый амулет — у одного Гуаньинь, у другой Будда. Нефритки выскакивали из-под маечек и звонко похлопывали по детским грудкам при каждом шаге.

На столе красовались жареная стручковая фасоль, тушёная кабачковая тыква, яичница с помидорами, закуска из маринованных свиных ушек и золотистая кукурузная каша-дроблёнка.

Перед Тун Хуайцином же поставили пиалу с нежнейшим яичным кремом.

Ни капли кунжутного масла, ни щепотки зелёного лука — только вода да капелька соли. Даже Чи Ино посчитала бы такое блюдо пресным, но Тун Хуайцин грациозно взял белую фарфоровую ложку, зачерпнул со вспузырившейся поверхности капельку, чуть подул и изысканно отправил в рот.

Что поделать с такой прихотливостью в еде.

Первые пару дней, пока Тун Хуайцин метался в жару, Чи Е специально варил ему и жидкую рисовую кашу, и наваристую уху, но тот к еде даже не притронулся. На вопросы о предпочтениях лишь молчал. Тогда Чи Е вспомнил, как в детстве во время болезни кормил Ноно яичным суфле: блестящим, податливым, тающим на языке и лёгким для желудка.

Тогда он нарвал туда мясного фарша и мелко нашинкованных грибов шиитаке. Когда пиалу поставили перед ним, Тун Хуайцин впервые проявил интерес: ложкой аккуратно сдвинул верхний слой со всеми добавками и зачерпнул чистую, нежно-жёлтую середину. Предварительно подув, стал медленно есть.

— Хочешь попробовать? — Чи Ино заговорила с набитыми щёками. — Тётушка Цзянь такие вкусные ушки замариновала!

Свинные уши, нашинкованные тонкой соломкой, не требовали лишней приправы: горсть сочных стеблей кинзы, жменя арахиса, немного соевого соуса да капля острого масла — хрустяще, аппетитно, пальчики оближешь.

Не дожидаясь ответа, Чи Ино откусила добрый кусок пышной паровой маньтоу и толкнула локтем Чэнь Сянъяна:

— Второй брат, а ваша новая учительница английского и правда такая красавица?

Чэнь Сянъян потягивал кукурузную болтушку:

— Да ну, обычная.

— Да ты что! В нашем классе только и разговоров, что в средней школе англичанка — просто загляденье! Волосы завитые, да ещё и с тенями на веках!

Ужин проходил шумно и живо. Тун Хуайцин всё никак не мог привыкнуть: с детства его приучали к правилу «когда я ем, я глух и нем», и он отродясь не сидел за таким гвалтом. Чи Е же детским разговорам не препятствовал, изредка вставляя реплики. Обсуждали всё подряд — от шашек и обучающих компьютеров «Сяобаван» до свежих эстрадных хитов.

К счастью, помимо болтовни, вели себя ребята прилично: не чавкали и не вылавливали лучшие куски из общих блюд, так что Тун Хуайцин кое-как это терпел.

Позже, когда оба ребёнка улеглись спать на втором этаже, Чи Е выскочил из душа, вытирая полотенцем влажные волосы. Дел у него хватало: тот фонарик он так и не разобрал, а починка требовала времени. В комнатах стояла духота, зато во дворе веяло приятной прохладой.

Он развесил полотенце на бельевой верёвке и, повернувшись, заметил, что Тун Хуайцин тоже не спит.

Тот примостился возле палисадника и сидел с полуприкрытыми глазами, погружённый в какие-то свои мысли.

После купания на нём была прежняя футболка Чи Е, выполнявшая роль пижамы. На хрупкой фигуре она висела мешком, доходя почти до середины бёдер, а свободные шорты в полоску оголяли пару белоснежных точёных голеней.

Тун Хуайцин, похоже, смирился с положением. Когда спала лихорадка, он обнаружил себя в чужой чистой одежде, пахнущей простым стиральным порошком, и резонно решил не тратить на обновление гардероба, обходясь тем, что дали.

К тому же вещи оказались весьма удобными.

У стены тянул приятный сквознячок. Чи Е притянул табурет, уселся рядом и под прозрачным светом луны взялся за отвёртку, разбирая фонарик.

Тун Хуайцин уловил густой запах мыла и с лёгким раздражением открыл глаза.

В этом доме не держали гелей для душа — обходились брусковым мылом на все случаи жизни. Нос у Тун Хуайцина был чутким: он легко различал персональные ароматы каждого. Чи Ино пахла цитрусом, Чэнь Сянъян — мятой, а от Чи Е несло самым дешёвым и ходовым «лавандовым» мылом.

Ветер шевелил тени от деревьев. Оба молчаливо обошли тему недавнюю стычку.

— Помоги-ка, — вытаскивая пружинную чеку, пробормотал Чи Е. — Подержи щипцы.

На его смуглом предплечье всё ещё темнел наливавшийся синевой отпечаток зубов.

Тун Хуайцин неспешно приподнял руку, свысока протягивая кончики пальцев — не столько желая помочь с инструментом, сколько оказывая великое одолжение, будто снисходил до королевского жеста.

Коснуться инструмента он не успел.

Чи Е сработал слишком молниеносно.

Хлоп! — звучный удар пришёлся прямо по бедру Тун Хуайцина.

— Комар, — Чи Е разжал ладонь, демонстрируя добычу. — Успел-таки присосаться.

На широкой ладони алела крошечная точка.

Тун Хуайцин замер, точно окаменел.

Чи Е опустил взгляд: на ослепительно белом бедре уже надувалось сочное отчётливое пятно аккурат по форме его пятерни.

Надо же... какая недотрога. Чуть прикоснёшься — и уже багровый след.

Тун Хуайцин ледяным взглядом воззрился на него. Изящное личико сердечком казалось настолько крошечным, что его можно было накрыть одной ладонью.

Чи Е хмыкнул про себя: и у какой ещё молодухи кожа бывает такой изнеженной? Сам лунный свет, казалось, благоволил этой белизне, окутывая её бархатистой дымкой.

Сложен-то он был красиво, да вот взгляд имел лютый — готов был сожрать живьём.

Чи Е отложил фонарик, заранее готовясь отражать очередной яростный напад, но Тун Хуайцин лишь продолжал смеривать его свирепым взором. Вдруг его аккуратный носик смешно сморщился, губы недоумённо разомкнулись, и...

— А... пчихи!

Слабый, совсем невинный чих разнёсся в тишине двора.

<http://bllate.org/book/19966/1985743>